

— Они по-прежнему будут твоими родителями, — ответил Мирддин, словно стараясь успокоить юного Гарри. — Просто у тебя будет два родных отца вместо одного, потому что этот ритуал не будет считаться усыновлением, он будет считаться вторым рождением, со мной в качестве твоего отца.— О... — выдохнул Гарри, — Значит, тогда я... буду называть тебя отцом?— Можешь, — ответил Мирддин, пожав плечами. — Я бы хотел, чтобы мой сын называл меня "отцом", но я не буду тебя заставлять. Гарри уставился на стоящего перед ним человека, и вдруг одна мысль пронеслась у него в голове.— Ты мог бы получить то, о чем всегда мечтал. У тебя может быть семья...— Но... когда я уйду... прочь, — произнес Гарри вслух, голос его дрожал.— Это ничего не изменит. Я не стану удерживать тебя, когда ты найдешь путь домой, — ответил Мирддин, голос его звучал спокойно и уверенно. — Но даже если ты вернешься домой — ты всегда будешь моим сыном. Гарри улыбнулся, услышав это. Лучше иметь семью хотя бы на короткое время, чем не иметь ее никогда.— Я сделаю это, — сказал он. — Как дела?***Вскоре Гарри понял, что этот ритуал намного сложнее предыдущего. Они вернулись в коттедж Олливаннера, и следующие три недели использовали для подготовки к ритуалу. Гарри учили, как его готовить, а также как писать и читать руны. Его цимраэг также улучшился, и Олливаннедер начал учить его брежонегу. Гарри ненавидел его. Теперь ему приходилось менять язык, когда он разговаривал с Мирддином или Олливаннером. Но он видел разницу в своей способности запоминать. В этот раз он, казалось, освоил новый язык быстрее, чем в прошлый. И вот настал знаменательный день, и они вернулись к каменному кругу в лесу. Пока Гарри помогал Мирддину рисовать руны и круги на земле, Олливаннедер пропитывал камни и каменную кровать различными зельями.— Итак... Теперь мне нужно узнать несколько последних вещей, — сказал Мирддин. — Я знаю, что ты не знаешь своего полного имени, поэтому нам придется обойтись без него.— Я знаю свое имя! — Гарри в ответ уставился на Мирддина.— Да, это имя, которым тебя называют, но обычно каждый родитель и крестный выбирает себе имя, — ответил Мирддин. — Так что Гарриджеймс, скорее всего, просто имя, которое выбрала твоя мать.— Почему моя мать? — непонимающе спросил Гарри.— Потому что она родила тебя. Это ее право — выбирать, как тебя называть, — ответил Мирддин, и Гарри сдался. Он не знал, как сказать своему будущему отцу, что в его время имя давалось иначе, чем здесь.— Итак, что тебе также нужно знать? — спросил Мирддин.— Имена твоих родителей и твоего крестного отца, — ответил Мирддин. — Этого достаточно, если ты знаешь их имя и фамилию. Ты не должен говорить мне их второе и третье имя. Гарри уставился на Мирддина. Он не знал, зачем Мирддину нужны имена, потому что Мирддин умолчал об этой части ритуала.— Мою мать звали Лили. Лили Поттер, урожденная Эванс, — наконец ответил он. — Моего отца зовут Джеймс, Джеймс Поттер. Моего крестного зовут Сириус Блэк. Мирддин кивнул и вернулся к своей работе, больше ничего не сказав. Гарри, наконец, сделал то же самое. Наконец они были готовы. Гарри разделся и лег на каменную кровать, пока Мирддин перерезал ему запястья. Взяв кровь из его запястий, Мирддин начал писать руны на теле Гарри — некоторые на лбу, некоторые на груди, некоторые на руках и некоторые на ногах. Затем Мирддин залечил свои порезы и тоже вырезал несколько рун на собственном лбу, запястьях и лодыжках. Из этих ран сочилась кровь, но Мирддин не обращал на это внимания. Затем он перешел к другому кинжалу и начал вырезать на плоти Гарри руны, которые он написал собственной кровью на теле Гарри. Наконец он взял немного крови, сочащейся из ран Гарри, и переписал руны на своем лбу. Олливаннер активировал круг. Белый свет залил холм. А потом они оба, он и Мирддин, начали читать нараспев, пока Олливаннер зажигал огнем один пропитанный зельем камень за другим. Последним он зажег камень, на котором лежал Гарри. Гарри думал, что это будет больно, но когда пламя достигло его, оно ласкало его — а потом оно и все остальные языки пламени вдруг втянулись в него, в то время как песнопения Мирддина и Олливаннедера стали звучать все громче и настойчивее. И вдруг появилась боль, невероятная боль, начиная от его шрама и распространяясь по всему телу. Гарри хотел бы закричать или свернуться в клубок, но не мог. Руны на его теле и круг-руны мешали и тому, и другому. Так он и лежал, беззвучно крича от боли, пока слышал песнопения Мирддина и Олливаннедера. И

вдруг боль из его тела вернулась к шраму — и из него сочился черный туман, кричащий высоким голосом. Он исчез, как только на него упал свет каменного круга. И вдруг Гарри почувствовал пустоту. Пусто и как-то... не до конца. Затем он почувствовал, что руки Мирддина держат его голову. Мирддин склонился на колени, невидимый для зрения Гарри. Но Гарри чувствовал губы Мирддина, слегка целующие его лоб. А затем он услышал, как Мирддин произнес.— Ты — мой сын. Каменный круг засветился на этот раз голубым светом, голубое пламя заплесало в ночном небе.— Ты — моя плоть. Руны, которые Мирддин начертал своей кровью на Гарри, а затем вырезал на его плоти, начали гореть. Голубой огонь зажег их и распространился под кожей Гарри.— Ты мой сын. Огонь достиг глаз Гарри, и вдруг он перестал что-либо видеть. Его глаза горели и болели, а остальное тело тоже начало болеть.— Ты — моя душа. Внезапно ощущение пустоты в Гарри исчезло, и тепло распространилось по всему его телу, уступая его боли. Мирддин на мгновение заколебался, прежде чем продолжить.— Ты мой сын. Он сказал, его хватка усилилась.— Я родил тебя сегодня. Синее пламя обожгло кожу Гарри холодным огнем. Его глаза, зубы и уши начали болеть еще сильнее. Потом их соединила его грудь, затем вены, когда кровь Гарри решила гореть синим огнем. Наконец его кожа снова начала болеть, а кончики пальцев колючими пятнами.— Я нарекаю тебя сегодня. Ты — мой сын, твое имя — Сальвазсахар. На этот раз Олливандер вступил в бой. Одна из его рук вцепилась в плечо Гарри.— Я нарекаю тебя своим крестником. Тебя зовут Серенду, — сказал он.— Я нарекаю тебя сыном твоей матери Лили, — сказал Мирддин. — Твое имя Гарри Джеймс.— Я нарекаю тебя сыном твоего отца Джеймса и крестного отца Сириуса, — вступил Олливандер. — Пусть твое имя будет таким, как они решили для тебя.— Пусть будет Эмрис, — закончил Мирддин. — Потому что я назвал тебя своим сыном. Будь Поттером, потому что твой отец Джеймс назвал тебя своим сыном, будь Эвансом, потому что твоя мать Лили назвала тебя своим сыном. Будь Олливандером, потому что Олливандер назвал тебя своим крестником. — Будь Блэком, — прозвучало в его голове, — потому что твой крестный отец, Сириус, назвал тебя своим крестником. Вспышка ослепительного света пронзила Гарри, и боль, терзавшая его, мгновенно утихла. Зрение вернулось, но уже не прежнее: мир предстал перед ним в новом, более ясном свете. Мирддин отпустил его, тяжело вздохнув. Олливандер тоже убрал руку с его плеча.— Ты в порядке, Сальвазсахар? — спросил он, голос его звучал обеспокоенно. Гарри сел, ощущая, как надпись, выжженная на его коже, исчезает, а раны затягиваются. Он чувствовал себя не просто лучше, а словно заново родившимся, как будто какая-то невидимая тяжесть, давившая на его грудь, наконец-то отпустила.